Александр Непоседа
Россыпи
Избранное

Александр Непоседа

Россыпи. Избранное

«Издательские решения»

Непоседа А.

Россыпи. Избранное / А. Непоседа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859911-8

Проза. Лучшее, сокровенное, светлое.О любви все знают понаслышке, читая, смотря фильмы, прислушиваясь к разговорам близких. Забывая главное — оглянись, подумай и поймешь — она рядом, в ожидании тебя.

ISBN 978-5-44-859911-8

© Непоседа А.
© Издательские решения

Содержание

Свидание 6
Монисто для Османа 10
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Россыпи
Избранное

Александр Непоседа

Фотограф Александр Непоседа

© Александр Непоседа, 2019
© Александр Непоседа, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4485-9911-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свидание

Он так и не смог понять, что внезапно разбудило его. То ли пронзительный крик чайки, то ли скрип оконных ставен – в узости домов вдоль канала – отметив взглядом на часах «2—15» – самое глухое время ночи – подошел к высокому окну.

Лунный блеск дрожал на черной воде и живописно синеющих, неопрятных стенах. Двумя этажами ниже, напротив, светилось пятно с отражением на воде, и женский силуэт в одиноко высвеченном теплом прямоугольнике мелькнул и исчез, свет погас, и на потемневшие стекла будто лег голубой иней. Запахи воды и крыш, прогретых за день, торопились затопить комнату, и он настежь распахнул шероховатые древние рамы.

Поняв, что теперь не уснуть, прошел через арку в тесную, уютную кухню, обставленную старинной инкрустированной, с бронзовыми гербами, тяжелой мебелью. За окном неподвижно темнел пышный и страшный сад под фиолетовым небом. Включив кофеварку, еще раз прочел смс на мобильнике – «*24 в 18—40 на площади, на том же месте*».

Оставалось два дня, каждый из них – дробились мысли – станет долгим и мучительным ожиданием встречи с нею в этом странном и загадочном городе. Налив кофе в чашку, бросив туда две ложки сливок, он долго смотрел на белую звезду, кружащуюся в середине шоколадной жидкости и, спохватившись, размешал ее серебряной ложечкой, нарушив ночную тишину звенящей мелодией одиночества.

Три года назад… хотя нет, три года будет в июле.

В то утро, когда он вышел на улицу и вдыхая утреннею свежесть, любуясь стелющимся под ногами молочным туманом, когда мокро сверкали и перетекали в сырости стены домов, когда покрытая бархатом зелень, потянувшись вверх – обнимая окна – шурша и весело переговаривалась с блеском воды в каналах – он услышал ее голос. Обернувшись, увидел в розовой дымке долговязую фигуру гондольера, качающийся траурно-полированный высокий нос гондолы, и легкую женскую тень, окликнувшую его.

Она стояла вполоборота, и он успел разглядеть в разрывах тумана трогательную нерешительность, силуэт, облаченный в невесомое, прозрачное, как наваждение над влажным парапетом лестницы.

Жарко вспыхнула медь ограждений, сверкнули стекла витрин – улыбка утреннего солнца – так свершилась их встреча. Сидя рядом, чувствуя тепло ее бедра, он рассказывал ей о Венеции, она впервые приехала сюда. С мужем, но ему не до нее, все время занят, возвращается поздно, спит до обеда и опять уезжает по делам. В тени моста он решается рассмотреть ее лицо, на нежной щеке маленькая родинка, ресницы долгие и пушистые, чуть припухлые губы.

Сидит прямо, колени плотно сомкнуты и волнуют близостью. Толчок вправо – гондола ныряет в узкий серебристый канал – она прижимается, ища опору, и он перехватывает ее ладонь. Пальцы теплы и невесомы, что ему становится не по себе от прикосновения к ним.

За следующим поворотом они оказываются в жарком солнечном круге, здесь канал широк, заполнен снующими гондолами, горячими сливочными всплесками на воде и прохладными зелеными тенями под высокими бортами. Бегущая серебристая рябь, гортанные возгласы гондольеров, их плавные движения веслами – в слепящем нежном зное венецианского утра. Здания справа и слева – белы до боли в глазах. Она прикрывает ресницы, вытягивает ноги, выпрямляя их в коленях, и он видит узкую маленькую ступню, охваченную белой паутиной тонких ремешков.

Неуловимое движение – так срывается в полет бабочка, испугавшись набежавшей тени – и волосы рассыпаются по плечам, она поворачивается, в радостном их зеленом блеске отражаются набережная, окна домов, накипание летнего праздного людского движения.

– Давайте завтракать!

Она глазами указывает на аккуратно расставленные столики возле горбатого тяжелокаменного моста.

Каждый прикрыт от солнца конусным куполом с кистями. Круглые столетние столы – под белоснежными скатертями в окружении черных венских стульев. Они совсем пусты в тени здания с красной черепицей на кровле. От подоконников второго этажа ниспадают глицинии – сиренево-синий туман – касаются маркизы над окнами первого, и все еще изредка вздрагивают от ночной прохлады и росы, стекающей с листа на лист.

Мостовая набережной парит, дрожит жарким маревом. Запахи кофе, свежей выпечки, фруктов, смешиваются с запахами воды, крепкого табака, нагревающихся камней. Сев за столом напротив друг друга – замирают на секунду.

– Не жалеете, что согласились сопровождать меня на прогулке?

– Вовсе нет! Начинаю сожалеть, что этого могло не случиться.

Она протягивает ладонь в сторону мокрой листвы и на ней звонко разбивается хрустальная капля. Дивное летнее утро, изящество руки с теплым матовым оттенком, ее грудной смех – все это вливается в него ярким напитком, словно горячий мед. Завтракали долго, испытывая блаженство, сыр, зелень, устрицы, и наконец – то раскаленный черный кофе в маленьких чашках с мелкими крапинками позолоты, сгущающихся к верхнему краю в полоску.

До груди она скрыта тенью, но горячо глядят глаза, горяч и румянец на щеках, с присущей женской восхитительной ловкостью она вынимает из сумочки необходимое, и в три приема, стремительно, возвращает себе утреннюю свежесть губ. Быстро взглядывая в маленькое зеркало, спрашивает.

– Вам, правда, непременно надо ехать сегодня?

– Да! Меня ждут, я не могу подводить партнеров. Хотите взглянуть на площадь Сан-Марко? Нам обязательно нужно побывать там. Согласны?

– Конечно! Пойдемте пешком! Вы проводите меня!

Она легко встает из-за стола, протягивает руку, и они выходят под синюю глубину неба с пухлыми дождевыми облаками, закрывшими солнечный диск. Вдвоем пересекают улицу и входят через низкую арку в прохладу узкого тенистого переулка, и за этим тайным поворотом, их будто настигает сладкое пробуждение – не видя и не слыша уже ничего – начинают целоваться, истово, давая передохнуть друг другу, и вновь и вновь соединяя губы.

Он увидел потемневшие глаза, она отстранилась, прижав ладони к щекам.
– Идемте же!

И, испытывая легкое головокружение, он повел ее неисчислимыми тесными улочками, среди помрачневших домов с обветшалыми резными балконами, вдоль заглохших в зелени вековых стен, через вросшие в берега первобытные мосты над зеленой водой каналов, небо уже темнело, в сухом воздухе клубилось предгрозовое ожидание – мешаясь с резким запахом цветов и тысячелетней пыли – рокочущий гул, обволакивал их, догонял, он навсегда запомнил волнующее движение ее плеч при дальнем ударе грома, и когда они ступили на площадь – хлынул дождь.

Через взрывающуюся дробь дождевых капель они добежали до ближайшей арки Дворца Дожей, он обнял ее и начал губами снимать с лица дождинки, слыша дыхание и стук ее сердца под тонкою влажною тканью. Она торопливо поправляла подол своего намокшего платья, облепившего стан и бедра, улыбалась и горячо шептала ему в лицо.
– Я сегодня испытала самое лучшее, что могла представить, будто во сне, только твое присутствие рядом, теплый этот дождь, простор старинной промытой площади говорит мне, что это наяву! Так жалко… но теперь мне надо в гостиницу, не могу же я ходить в таком виде.
– Я вызову такси! И пожалуйста, запомни, это наше место!

Он набрал номер вызова, сообщил, куда необходимо подъехать. И оба, мгновенно охватываясь ощущением тающего времени, волнуясь неожиданным расставанием, перебивая друг друга скорой речью, держась за руки, запоминая запах, глаза, ловя дыхание, в пугливом ожидании, что вот сейчас… вот – вот… и вздрогнули при звуке телефонного сигнала. Уже усадив ее, и поцеловав руку, он словно опомнившись, вынул из кармана визитку и успел вложить в прохладные пальцы до того, как машина сорвалась с места.

В полночь он уже был в Москве.

Придя за полчаса до назначенного времени, терпеливо ждал, глядя на голубей, на сумеречное небо, на зажигающиеся фонари. Прошло еще два часа. Он медленно побрел в сторону набережной канала, вдыхая весенний – напоенный запахами незнакомых цветений – воздух, плавающий душными волнами.

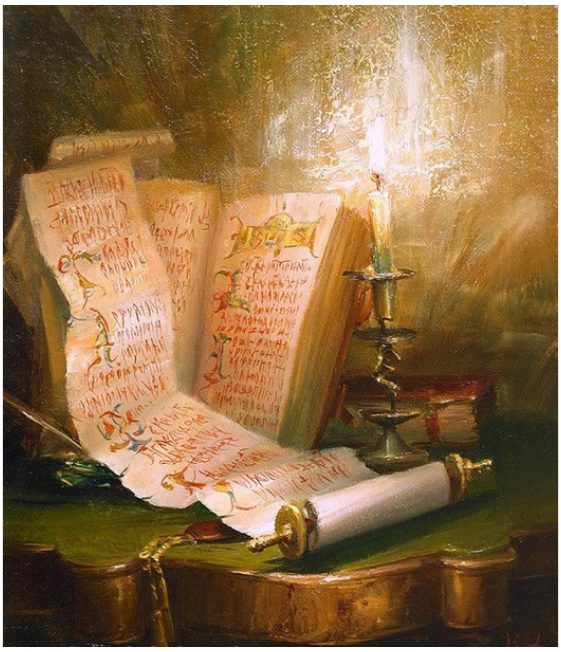
Смотрел на привязанные к шестам гондолы, на столики уличных кафе – заполненные вечерним гулом посетителей.

Почувствовав, как его заполняет вселенская пустота, сбежал по трехступенчатой лестнице к самой воде – место, где они сошли на берег в тот сумасшедший день – и опустил на сверкающую зыбь, сложенный лист бумаги. Долго ждал, когда он, намокнув, исчезнет в темно-зеленой глубине.

Усталый гондольер!
Свези меня на площадь
Сан Марко, в прошлое…
Она – там ждет, волнуясь
и кутаясь в свой плащ.
В вечернем блеске улиц —
вези меня скорей,
и цену мне назначь, я тут же
позабуду, и этот страшный
путь, средь холода камней,
теней мостов, и перекрестков зыбких,
лишь только я губами припаду
к ее озябшей и чарующей улыбке.

Мы станем в поздний час
бродить под облаками,
немыслимой Венеции;
средь уличных кафе
ночного плеска волн,
в плену вина, цветов,
и ярко-пряных специй,
и на ветру я буду целовать ее
глаза – с упрямою мольбою.
– Нет, нет, не уходи! Мне так легко
с тобою, и сладко – близко быть,
и слушать голос твой, и отзвуки
шагов над дымной мостовой. И со щеки
прохладной – не спеша – губами
снять дождинку, не дыша…

Монисто для Османа



Корни его древнего рода терялись на узких каменистых улочках, задымленных прогорклым маслом жаровен, просушенного арахиса и миндаля. Скрипели колесами неповоротливые арбы груженые виноградом, персиком и абрикосом. Хрипели бараны перед забоем для шурпы и раскаленного шашлыка. Золото заката и аромат влажной зелени под глухой ропот моря.

Жизнь текла среди тысячелетней пыли и полуслепых построек старого Эминёню, зажатого между бухтой Золотой Рог, Босфором и Мраморным морем. Гроздями увядших от времени, скрученных вековой тяжестью корневищ древних деревьев, разбегающихся вдаль, тянущихся узлами к кладбищу, где ещё сто лет назад можно было прочесть на полуистлевших камнях надписи – сверстников по годам с началом строительства Ай-Софии.

Потом город пал, словно расшитый ковер под ноги упрямых турок. С тех пор все мужчины его рода, верно служили халифату. Осман уже не мог установить истину, она таяла, как невесомая дымка над Босфором.

А рассказы деда, его жуткие воспоминания о прошлом, когда невозможно было отличить правду от вымысла, где смешались государства, правители, набеги, ослепительные богатства и кровавые войны.

А всё началось с Хризополиса. Так назвали его греки. «Золотой город» – раскинувшийся на Анатолийском полуострове, разбогатевший на пошлине, взимаемой с племён.

А может он получил имя за золотистые искры закатного солнца, рассыпаемые по стенам домов. Кто помнит? То было время нашествия персов.

После этого возникла на берегу пролива Кадыкея. Кадый – прокурор, которому была дарована территория в удел. Именно здесь прошёл за тенью веков и парчой безмолвия первый Вселенский собор.

«Здесь остановился Господь
Сказав – вот место царям и народам
Возвеличивайте добрыми помыслами».

Взлетали к синему небу острыми иглами минареты, не отставали в блистающей отточенности и ятаганы воинов Сулеймана Великолепного. Боевая отвага набегающей волной накатывалась на сопредельные страны, возвращаясь с несметными сокровищами, где сверкали ожерельями красавицы северного Причерноморья и Руси.

Синева глаз одной из них, и имя сохранилось – Чаруша, ставшей женой Селим-Паши проявлялась неизменно и ярко в мальчиках и девочках, став отличительной и благородной особенностью рода, дотянувшись до Османа, добавив ему нежную розовость щёк праславянки.

Впервые он почувствовал их вспыхнувший жар, когда случайно увидел купающихся девочек среди округлых камней и пены морского прибоя. Их обнаженность вызвала неясное томление, заставившее броситься домой, во дворец, упасть на колени и прочесть молитву.

Жаркий воздух втекал в распахнутые двери, шевелил легкую ткань занавесей окон, сдавливал сердце.«Аллах корсун».

Сжатые ладони, прикосновение ко лбу, губам, груди. Толчки сердца.

Видение одной из увиденных не покидало. Влажная от воды, светлые волосы. Мягкий изгиб спины.

«Аллах корсун».

Он снова начал читать суры из Корана.

Мраморное море видело многое. По ночам глухо шумели волны, вспыхивали далёкие зарницы. По утрам над берегом струился туман, кричали чайки, вторили им оголодавшие ослы, натружено, горько, жалуясь на судьбу. В обвисших парусах фелюг отсвечивало солнце, пахло водорослями, медузами, промокшими снастями и рыбой.

Разноплеменный тысячеголосый шум плыл над великим базаром. Курился и плавился дым, дразнящий ароматом прожаренного мяса. Сновали разносчики воды. В тени, а то и на солнцепёке скованные между собой за запястья сидели мускулистые рабы, обожжённые солнцем и ветром, ожидавшие своей участи. Удушливый фимиам фиников стлался в горячем воздухе.

Внезапно, подобно огненной буре, прошелестело в воздухе – «Селим-Паша»!

Застыли в почтении продавцы и покупатели. Падали ниц.

Разрывая толпу пронеслись всадники, взбивая пыль, осаживая коней, очищали путь для проезда, стегая нерадивых по спинам кожаными плетьми.

«Прочь, дорогу!»

Окружённый свитой, янычарами, Селим-Паша, восседая на нетерпеливой белой лошади, медленно приблизился к продавцу украшений. Тот, побледневший от ужаса, опустился на колени и припал седой головой к земле.

– Мне сказали, что ты продаешь монисто из монет собранных со всего света! Это правда?

– Да, мой повелитель! Это так! Тебе одному мы поклоняемся и тебя одного молим о помощи. Иншалла!

– Подай мне его! Я хочу взглянуть!

Продавец кинулся к внушительному на вид мешку, развязал и вынул блеснувший монетный перезвон, искусно собранный в два ряда на изящно свитых из темного серебра цепочках. Старик хотел податься вперед, вручить солнцеподобному наезднику монисто.

– Цах!

Он почувствовал укол тонкого длинного копья упирающегося в грудь. Другой всадник наклонился, выхватил их рук мастера украшение и передал Селим-Паше. Тот долго и внимательно разглядывал монеты, пробуя их на зуб, не спеша, перебирая в руках.

Тишина неподвижно повисла над базаром. В золоте солнечных лучей оседала пыль. Остров великолепных всадников среди склонённых к земле спинах подданных.

– Сколько ты просишь за эту работу?

– О, мой повелитель! Как могу назвать я цену, возьми даром. Да благословит тебя Аллах!

– Ты ошибаешься старик! Аллаху принадлежит то, что на небесах, и то, что на земле. Монисто изготовлено умелыми руками. Я оплачу его! Подойди ко мне! Как имя твое?

– Муфид! Да не омрачатся бесконечные дни твои, великий и лучезарный!

И когда мастер коснулся губами стремени повелителя, тот протянул ему десять золотых акче.

– Это тебе за работу, старик!

И повернувшись к свите громко объявил.

– Распорядитесь, чтобы ни кто не посмел обидеть ювелира!

Только стих дробный топот копыт, базар закипел привычной жизнью. Лишь плакал мастер, расставшись с любимым изделием, отнявшим десятки лет жизни, где были бесчисленные приключения, обмены и купля-продажа, долгие плавания за моря, опасности и молодость. Любовь и измена. Взамен – только золотые акче от повелителя в зажатой руке.

– Чаруша! Вставай, братья уезжают!

Её разбудил голос матери. Вскочив с лавки, на которой спала, торопясь, босою выбежала во двор.

Старшие братья, сидя на гнедых лошадях, в белых льняных рубахах, сверху легкая кольчуга, луки за спиной, у пояса колчаны со стрелами, возле седел приторочены мечи в кожаных ножнах, боевые топорики с длинной рукоятью, щиты.

Оба светлоголовы, синеглазы, крепки.

Девочка привстала на носочки, наклонившись из седел, поцеловали поочередно. Сорвались с места в галоп. Оставив облачко взметнувшейся пыли.

– Татары на Москву идут! Крымцы! Только бы басурмане наш Владимир миновали. А то не ровен час…

Отец тяжело вздохнул, взглянул вверх.

– Дождь будет! Давайте сено сгребать, пока не подмочило.

С юга натягивало на голубизну неба черные косматые тучи, тревожно зашелестела листва на березах, пахнуло просушенным сеном, где переплелись с луговой травою увядшие васильки, ромашки, незабудки – те полевые цветы, что так любила она собирать в букеты или плести из них венки с подружками.

Это утро, со всеми оттенками и световым окрасом, с ощущением надвигающейся беды и ударом первого далёкого грома Чаруша будет вспоминать и тогда, когда на десятый день

после этого, будет пленена, караваном невольников из разрушенного татарами Владимира будет долго добираться в Крым.

В Кафе будет продана огромному турку, с отвисшим животом, с колыхающейся грудью, который будет ощупывать девочку лоснящимися руками, цокать бесконечно языком, и наконец, расплатится за покупку.

Наступившим утром, в пелене октябрьского дождя она в последний раз увидит тающий вдали крымский берег.

И ни кто не заметил слез. Дождь, дождь.

За водами безмолвными, за лесами дремучими
паутинкой тонкою на ивовой веточке
душа моя дрогнет, печалится…

Станет вспоминать и тогда, когда её, доставив на фелюге в Стамбул, приведут в гарем Селим-Паши, и он, через два года полюбив славянку, восхвалит за подаренного Аллахом сына, породив зависть и злобу при дворе.

А для неё на чужбине чем дальше становилось незабываемое прошлое, тем ярче. Больнее.

«Где душа твоя?» – спросил однажды властелин у высокого и узкого окна в закатный вечер. Сказать о запахе скошенной травы, о ключевой воде в жаркий полдень, о тенистой речке с покрывалом тумана, о березовой листве? Словами чужими?

Промолчала. Глаза его вспыхнули, резко развернувшись, ушёл, мягко ступая по великолепному ковру.

А началось с той встречи с арабом. Или раньше? Когда он на морском берегу среди аквамаринового всплеска, камешков и намытого песка приметил взглядом блеснувший овал. Находка оказалась монетой. Золотая, с полуистёртым мужским профилем с курчавой бородой. Незнакомые знаки вязью лежали полукругом по её краю. На обратной стороне невиданное дивное существо с крыльями и непонятные символы. Ему тогда было семнадцать, он ещё не знал ни языков, ни окружающего мира.

Но случай перевернул всю жизнь. С той поры он начал бродить вдоль берега по утрам, надеясь, что удача улыбнётся во второй раз. Напрасно. Лишь море усмехалось, сверкая обманчивыми искрами в накатывающейся волне.

Но однажды, с той стороны, где на заре выкатывается солнце, откуда приходят тёмные тяжелые тучи с холодным ветром, показался караван судов под косыми парусами. Вдвоем с отцом они в это время чистили морским песком медную посуду от нагара.

– Посмотри отец. Кто эти люди?

– Арабы, Муфид. Это искусные мореходы, они многое видели и могут ходить по морям даже ночью, глядя на звёзды.

Через три дня Муфид уходил с ними в необозримый простор. Кормчий одного из торговых судов ночевал в их доме, и юноша упросил взять его с собой. Дать любую работу на борту, только бы увидеть таинственные страны, скрываемые горизонтом. Показав утром свою находку и услышав подробности о достоинстве монеты, о её происхождении, он разволновался, потерял покой, молясь Аллаху, чтобы поскорей отправиться в путь.

Что манило его? Он сам не находил ответа.

– Это очень древняя монета, юноша.

Джандаль долго держал её на узловатой сильной ладони, поворачивал к свету, стараясь разглядеть еле различимые знаки.

– Ауреус! Римская золотая монета Септимия Севера. Был такой император в Риме. Интересно, как она попала сюда, на эту землю? Впрочем, римляне не признавали рубежей. В Испании мне довелось видеть акведуки и дороги, построенные ими. Как и пирамиды Египта, возведенные тысячелетия назад, работа римлян – вызов времени.

– Пирамиды? Что это?

– Конусы вечности, мой мальчик. Даже прикоснувшись ладонью к одной из них, сновидение не отпустит тебя. Великолепие и совершенство. Они превращают человека в пылинку, а жизнь в горсть песка, текущую меж пальцев.

Он протянул монету

– Сохрани её юноша, это весьма дорогая реликвия. И ни кому не показывай. Золото для нечестивых людей дороже человеческой жизни, помни об этом.

Осман, приученный просыпаться рано, открыв глаза, сразу вспомнил вчерашнюю историю, рассказанную дедом.

Старый Марухд приносил ему всегда на ужин козье молоко и фрукты. Ждал, когда внук поест, и только потом начинал говорить. Лицо его, покрытое сетью морщин, словно вырезанное из слоновой кости было всегда задумчивым, лишь глаза молодо блестели в вечерних сумерках. Широкий в плечах, с сильными руками и тонкий в поясе – всё говорило о его былой воинской доблести.

«Видишь эти четыре высоких минарета, мой мальчик»? – спросил он, показывая ладонью на распахнутое окно.

– Айя-София?

– До нашего завоевания собор Святая София. Император Юстиниан, я рассказывал тебе о нём, выкупил земли у частных владельцев для строительства храма. По высокому указу

свозились мрамор, золото, слоновая кость, обсидиан, серебро. Из Рима были привезены колонны из порфира, из Эфеса зеленый мрамор. Десять тысяч рабов ежедневно трудились на его возведении.

Существует легенда, что Юстиниан собирался сделать надпись «Я превзошёл тебя, Соломон». Но оракулы упросили воздержаться от подобного, предупредив о тяжелых последствиях.

Я был поражён и оглушён, впервые вступив под его своды.

«Твоя от Твоих приносим Тебе Твои, Христе, рабы Юстиниан и Феодора» – было высечено на престоле храма. И дата – за тысячу лет до твоего рождения, Осман.

Когда султан Мехмед Завоеватель привел турок на Константинополь, всю весну мой прадед Шурамах провёл в крепости Богаз-Кесен, оттуда они обстреливали бомбардами византийские корабли, идущие через Босфор.

Затем с янычарами своего молочного брата Селим-Паши отличился при взятии Месемврии. После осады, при штурме Константинополя ему пришлось изгонять трусливых венецианцев, занимавших оборону стены со стороны Мраморного моря. В одной из стычек он и потерял ухо, отсекли клинком в драке.

Но сегодня поговорим не об этом, я поделюсь с тобой семейной тайной, о том, что знаю сам. Не придумывая, не добавляя, не упуская мелких деталей. Ты уже взрослый, чтобы понять

важность сказанного мною. Всё, что ты услышишь, запомни, Осман. Быть может разгадка откроется тебе, прямому наследнику Селим-Паши. Мои прожитые годы и твой ясный ум подсказывают мне об этом.

Прошлой ночью я видел сон. Удивительный, только потому, что за одним столом, богато украшенным цветами и фруктами, орехами и маслинами, дымящимися кусками жареной баранины – вся наша огромная семья, десятки поколений собрались вместе. Во главе стола, за блеском серебряных ваз, наполненных персиками, в расшитом золотой нитью халате, в белоснежной чалме, Селим-Паша, и укутанная в зелёную парчу жена его, Чаруша.

И она, привстав, через гул голосов, грудным легким выдохом, зовёт тебя «Осман»!

«Муфид! Взгляни, Италия!». В розовой дымке поднимался из синей воды мраморный берег. Манил загадочностью убегающих вверх зелёных лугов, оливковых рощ, виноградников, белых строений. Легкие прозрачные облака. Яркая синева морской воды. Красные кровли из черепицы.

«Римская империя начиналась здесь, мой мальчик».

Джандаль поправил головную красную повязку. «Октавиан, разбивший флот Марка Антония возле берегов Греции, вынудил его и Клеопатру к самоубийству. Это была последняя царица из македонской династии Птолемеев. Какова была красота её? Какого звучания голос? Всё скрыто за веками и забвением. Профиль царицы выбит на монетах, но соответствует ли он настоящему? Так или иначе, Октавиан, казнив сына Клеопатры и Цезариона, сына Марка Антония —стал единственным правителем Рима.

Об императорах существуют разные и противоречивые толкования, но очевидно одно. Там, где появлялись римляне – менялся мир. Завоевание. Управление. Строительство. Три колонны, поднявшие империю к солнцу».

Повернувшись на палубе, он вытянул руку. «А вот там – моя родина. Египет. Мы обязательно вернёмся туда. Чуть позже».

Муфид жадно слушал, безотрывно глядя на проплывающие берега.

«Наш путь в Венецию, мой мальчик, в богатейший торговый город на воде. Уверен, что ты полюбишь его тесноту каналов. Возьмем у купцов бархат, парчу и кружева, и пойдем во Францию, в Марсель. Такой товар пользуется большим спросом у прелестных женщин».

Над морем расстилался и дрожал над серебристой рябью горячий утренний свет. Ни души, пустынно, жутко, будто воды бесконечные уходят в небо, растворяются и гаснут в неизведанной дали. Муфид, пробравшись на нос судна, облокотившись о деревянный борт, пахнущий разогретой смолой и морским йодом, вглядывался в линию горизонта.

Венеция открылась внезапно. Легким видением на воде.

Знойный день растекался над кровлями и снующими судами. В глубине многочисленных каналов сумрачно, тенисто. Зелёная вода струится за кормой. Звук растворяемого окна, женский голос, призывный смех. Крики торговцев расположившихся на узких каменных выступах у воды.

Запахи пряностей. Встречные длинные, незнакомые лодки с серповидным носом. Гортанные возгласы гребцов.

«Вязать концы!». Джандаль опустился на колени и припал губами к ладоням.

«Если достигну священного брега, земли у багряного моря, Славен мой Господь Преславный»!

Роды протекали тяжело. Селим-Паша, словно предвидя, заранее распорядился доставить лучших лекарей из Багдада. Властелин появился лишь на третий день, когда Чаруша отойдя от пережитой боли, похудевшая, с легким румянцем после короткого сна кормила грудью ребенка.

– Сын! Да благословит Аллах дни его и ночи. Да будет мудрым и сильным как тигр.

Он, бесшумно ступая, подошел, вгляделся в лицо мальчика, улыбнулся и коснулся головы Чаруши. «Что попросишь? Скажи».

И она, сковывая ужас, стараясь произнести твердо, предвидя ответ, прошептала. «Отпусти меня домой». Рука замерла на мгновение на её виске.

– Твоя просьба невыполнима. Что подумают обо мне недруги, узнав об этом? У нас не принято, чтобы жены покидали мужей.

Выпрямившись, трижды хлопнул в ладоши. Дверь распахнулась, две девушки внесли вазы с цветами и фруктами, в руках третьей был небольшой свёрток, который она передала Селим-Паше.

Подождав, когда они останутся наедине, он мягко опустил его на ложе рядом с Чарушей и развернул парчу. Жарко блеснуло бликами, нежным звоном посыпалось обнажённое монисто. Древние лики мужчин и женщин, таинственные символы и знаки тускло сверкнули отглаженными временем гранями.

– Весь мир к твоим ногам. Хотя ты заслуживаешь большего.

И склонившись над сыном прошептал.

– Глаза – твои. Может это к лучшему? Отдыхай, через неделю отправимся с тобой в Марсель, у меня там важная аудиенция.

И стремительно вышел.

Марухд замолчал, обдумывая вероятно с чего начать, перебирая чётки. Осман терпеливо ждал.

– Что произошло в Марселе, известно довольно смутно. Тогда там базировался турецкий флот для противовеса Римской империи в Средиземном море.

Цель поездки Селим-Паши – привести в порядок юридические тонкости с союзнической Францией. Надо добавить, что на турецких судах – галерах использовались в основном славяне, захваченные в плен. Быть может это только один путь к разгадке. Зачем он взял с собою Чарушу, знал только властелин. Это табу.

Мне же думается, из опасения за жизнь супруги. У Селима было поистине звериное чутье. Он не доверял ни кому. Поэтому прожил долго.

Когда они прибыли в Марсель, Чаруша, охрана и служанки поселились в отведённом для них доме в районе порта. Правитель, после аудиенции с французским представителем отправился на корабль капудан-паши, командовавшего турецкой эскадрой. Согласно исламу женщине нельзя появляться на борту. Потому он и был в одиночестве, без любимой жены.

Затем по разрешению союзников эскадра совершила поход на Кипр, для разведки оборонительных сооружений венецианцев, вернувшись в Марсель через три недели.

И вот здесь, Осман, лежит начало целой цепи загадок.

По возвращению Селим-Пашу встретил на рейде чиновник, который и сообщил ему ужасную весть. По городу прокатилась волною чума, выкосив треть населения. При проверке домов возле порта обнаружили по известному адресу трех мужчин и двух женщин погибших от болезни. Чиновник добавил, что вероятно одна из служанок, ходившая на базар, принесла инфекцию с собой. Все – захоронены. Помещения дома обкурены дымом, одежды сожжены.

– А моя жена?

– Не нашли.

– Я могу осмотреть?

Спросил Селим-Паша, нервно ожидая окончания доклада.

– Да, конечно.

Комната супруги была не заперта. Чисто. Постель застлана. На мраморном столике у овального венецианского зеркала среди прочих женских предметов аккуратно завернутая в парчу тяжесть. Сдерживая удары сердца – развернул. Монисто. На десятилетие постаревший, осунувшийся, с усталыми глазами – он отбыл в Стамбул.

По прибытию в Марсель Джандаль повёл Муфида на торговую биржу – сердце средиземноморья.

«Место, где в один день можно увидеть сотни монет разного достоинства из далёких стран, и обрати внимание на француженок, они умеют удивлять».

Они поднимались по узкой улочке от порта, когда навстречу им плавной походкой прошла молодая девушка. Муфид, окрепший за два месяца плавания, смуглый от солнца, оглянулся – и поймал взгляд огненных глаз, отчего обожгло сердце, да так, что встретив её через день, нагнал, пошёл рядом, узнал, что она родом из Марокко, живёт здесь с отцом – знатным ювелиром, помогает – разнося заказы, ведет деловую переписку.

Черноволоса, тонка, дивные точеные руки, белозубая улыбка, тонкие кольца в мочках ушей, глаза тёмные, не то черные, не то с отливом бездонной ночи, заливистый смех и поразившее слух имя – Кастеллана.

В тот вечер он долго не мог уснуть. «Случилось то, что должно случиться» – сказал ему утром Джандаль.

«Ты влюблён, юноша! Посмотри на себя. Послушай себя. Сделай то, что считаешь нужным. У любви есть одна маленькая неприятность; уличный разбойник может отнять заработанное за день, а женщине ты добровольно отдашь всё, чтобы обладать ею».

Где заканчиваются террасы городских окраин, где гористая местность покрыта ровными рядами оливы, всплесками агавы, аллепской сосны, непроходимыми буковыми зарослями – там вьётся почти неприметная тропинка, выбитая когда-то козами, перегоняемыми проворными прованскими пастухами к ласковым лугам.

Пройдя по извилинам этой тропы, спускаясь и поднимаясь по залитым солнцем склонам, слушая шум моря, доносящийся снизу, шелест листвы и пение птиц, когда оглянувшись можно отыскать взглядом далёкие городские крыши, покрытые весёлыми зайчиками солнечных лучей, припав на колено напиться прохладной воды из древнего источника, где по замшелым зеленым и гладким камням журчит хрустальная влага.

Внезапно, возле каменистых развалин – видны только поваленные несколько колонн, надтреснутых, побелевших от ветра и солнечных лучей, заросшие травой забвения – тропа

раздваивается, но мы, читатель, не раздумывая повернём вправо, спускаясь к морскому берегу. Среди сотен маленьких бухт, гротов – сверкающих в закатном солнце мокрыми отшлифованными волной камнями с накипью пены и водорослей – пойдём по кромке воды, шурша отполированной галькой, огибая валуны и вдыхая вечерний настоянный солёный воздух.

Остановимся и послушаем.

– Ты давно здесь?

Сбегая вниз легкими шагами, в платье, босая, волосы распущены, перевязаны лентой над разлётом бровей.

– Я забываю о времени, когда слышу твои торопливые шаги.

Взяв её руки, покрыл поцелуями.

– Когда вы уходите?

– Через три дня, товар расходится быстро. Джандаль торопится домой. В Египет вскоре привозят пряности из Мекки, куда она доставляется караванами из Индии. Арабские купцы всю жизнь проводят в пути. Я тоже хотел стать похожим на них, пока не встретил тебя, Кастеллана.

– Я принесла тебе то, что обещала. С разрешения отца.

Сказала, что за эти монеты мне привезут шёлк. Она раскрыла ладонь и Муфид ахнул.

Экю – золотая монета с изображением солнца над короной, короля Филиппа Пятого. Вторая же была просто изумительна; английский флорин Эдуарда Третьего с королём на троне, по обе стороны – леопардовые головы.

– Я привезу тебе за это не только шёлк. Египет славен сурьмой и пудрой для женщин. Ты станешь самой красивой в Марселе.

Обняв, жарко целовал до того мига, пока она не сдалась, пленив его гибким телом с запахом сухой травы, острой грудью и торопливыми руками.

Оставим их читатель, то, что принадлежит двоим – требует уединения.

Осман, глядя в тёмное окно, раздумывая над услышанным, увидел – на вечернем небосклоне вспыхнула зелёной искоркой первая звезда. На черном фоне светлели тонкие минареты Айя-Софии.

– Что было дальше?

Марухд соединил ладони. Улыбнулся.

– Вижу полёт твоей мысли, Осман. Однако продолжу.

Вернувшись, Селим-Паша упрятал монисто, тем самым стараясь забыть о предавшей его жене. Делалось всё по правилам древних правителей. Одни рабы готовили тайник. Другие уложили туда содержимое и замуровали. Затем все были казнены. Когда тайну знает один – она остаётся тайной.

Взгляни.

Марухд вынул тонкий сверток пергамента, осторожно развернул его и Осман увидел каббалистические знаки на жёлтом квадрате, покрытом мельчайшей сетью трещин разбегающихся во все стороны от левого нижнего угла. Посередине красовался пунцово-огненный шар, длинные копья с четырёх сторон держали его на весу, словно парящее облако – видна была даже тень. И там, в глубине упавшей тени, едва различимый крохотный зелёный кружок со шлейфом вытянутым на север. Юг был окрашен красным.

– Разгадка – здесь! Надо только привязать изображение к месту. Я передал тебе, Осман, всё что знал, скажу тебе ещё одно.

Я потратил двадцать лет, но ничего не нашёл. Теперь твоя очередь. Когда ты закончишь учёбу в Сорбонне, я буду стар.

А сейчас – пора спать!

«Будь же терпелив вместе с теми, которые взывают к Аллаху по утрам и перед закатом».

Ранним утром в прохладном зале библиотеки Сорбонны, с огромными чистыми окнами, глядящими на узкие аллеи сада, с жарким камином, за стойкой – седой юркий старичок, в широком вязаном свитере, черный бант на горле, в руке перо, зависшее над листом бумаги.

– Доброе утро!

– Доброе утро юноша!

Осман, пройдя бесшумно за стол и раскрыв старинный манускрипт, прочел; согласно древним источникам Запад и Восток соединяла основная дорога: южная, морская, ведущая из Египта в Индию. Она начиналась в портах Миос, Хормос и Береника на Красном море и огибая Аравийский полуостров тянулась к трем главным портам, расположенным на западном побережье Индии: Барбарикон в дельте Инда, Баригаза на реке Нармада и гавани Мимирика на юге полуострова – от Нила до Суэца по каналу корабли выходили в Средиземное море и далее к Риму. Этот канал был построен еще при фараоне Нехо, а затем восстановлен по приказу Дария I.

– Вот где истоки торговли, доставки товара и рождения денежных отношений!

Мысль обретала движение и тут же скрылась, улетела бесследно. В зал вошла девушка, высокая, светловолосая, улыбнувшись библиотекарю, с легким поклоном поздоровавшись с ним, взяв книгу, села напротив.

Пряди волос зажглись в солнечных лучах, просвечивая нежный овал лица и пушистые ресницы.

Осман замер. Она была необыкновенно, прозрачно красива.

– Что вы читаете?

Спросил он, только для того, чтобы услышать её голос.

– То же, что и вы. Историю торговых путей.

– Осман.

Он протянул ладонь и почувствовал, как при прикосновении девичьих пальцев ударило сердце. И ещё – сдвоенным ударом.

– Флави. Она улыбнулась, в зеленых глазах переливались золотые искры. Белоснежный ворот на коричневом платье, узкие ладони, упавший на плечо локон, смуглость нежных щёк.

– Парижанка?

Она быстро взглянув.

– Я приехала из Толедо. А вы?

– Стамбул.

– О! Османская империя! Страна – воин?

– Ну почему же? Я вот учусь здесь, изучаю историю, европейскую культуру.

Внимательно рассматривая его, перевела взгляд на окно, и с легкостью прошептала, чуть склонив голову.

– Давайте убежим в парк, я покажу вам цветущие каштаны.

– Каштаны?

– Да, да! У вас в Стамбуле их нет.

И она рассмеялась. Тревожила и манила за собой. Он поднялся, подал ей руку. То утро, с росистой травой вдоль песчаных дорожек, с теплом её руки, со старанием попасть в шаг, пытаясь угадать направление, сливаясь в беседе о торговле в давние времена – они вышли к фонтану под склонёнными каштанами. На холодных камнях переливалась вода. Падала уступами из чаши в чашу. Журчание воды и шелест листвы вызвал у Османа неведанное чувство желаний. И он в порыве коснулся губами ладони Флави.

Она не отняла руки. Долгим взглядом остановила его.

– Вы так горячи, мой друг!

– Простите меня. Я был не сдержан.

Увидев его синие глаза и разгоревшиеся щёки, улыбнулась.

– Пойдемте дальше.

И там, за поворотом, в конце аллее, прильнула к его плечу. Он мгновенно нашел горячие влажные губы

В Египет пришли ночью. Звёзды в черном небе, парус, запахи с берега – варёного риса, горячего арахиса, песка пустынь и великого Нила.

– Земля моих предков, Муфид! Когда монголы вытеснили из Месопотамии непокорённых хорезмийцев, те двинулись в Египет, захватив по дороге Иерусалим и здесь, в Египте, стали наёмными войсками – мамлюками. Именно они вместе с египтянами разбили наголову крестоносцев и взяли Дамаск и крепость Аскелон.

Мамлюки были настолько сильны, что несколько лет спустя сумели захватить власть в Египте, Бейбарса стал первым мамлюкским султаном. Вот такие повороты истории и судеб человеческих.

Предки говорили, что Сахара с движущимися песками – души всех воинов, прошедших по этой земле. Да ты не слушаешь меня, юноша!

– Я подумал Джандаль – как запомнить мне твои знания? Вспомнил Кастеллану, наклон головы, быстрый бег пера по бумаге. Хочу выучиться письму. И ещё. Ты был прав, я готов отдать ей всё, чтобы быть рядом и молю Аллаха о скорейшем возвращении. Но до того я бы хотел увидеть пирамиды и Нил, Джандаль.

– Я покажу тебе всё, мой мальчик, дай только время. Впрочем арабы называют эту реку Бар – Большая вода.

Он взглянул на небо.

– Поторопимся! Погода переменчива, надо поворачивать к берегу!

– Куда мы идем?

– В порт Галиб, когда-то арабский купец Галиб-ибн Захлуд построил его на месте рыбацкой деревушки, обессмертив имя свое. Караваны останавливаются там. Надо поспешить, чтобы выбрать лучший товар.

Русская трехмачтовая ладья новгородского купца Бренко вышла из Марселя летним утром. Тугой бриз накатывался с востока, веселил души истосковавшейся по дому дружины, надувал паруса. Оставив необходимое число парусной команды, Бренко приказал остальных накормить горячим завтраком и отправил отдыхать.

Грузились срочно, в одну ночь, в городе свирепствовала чума, возле сходен горели дымные костры и он первым, стоя с факелом в руке увидел женский силуэт в долгом платье с закутанной головой. Звучали команды, носильщики, посмеиваясь, перекидывали в трюм тяжелые тюки с парчой и батистом.

Пахло водорослями, сырым деревянным настилом. Бледный свет маяка терялся в ночных глубинах, пробегал над страшным городом, окутанным болезнью.

– Слава Богу, русские?

Голос дрожал, выдавая волнение.

Подал руку, быстро проводил на палубу, отворил дверь своей каюты.

Свет качнулся, замер. Свеча в матово – позеленевшем тяжелом подсвечнике.

– Входите! Оставлю вас здесь, много работы. До зари надо закончить погрузку. Расскажете всё потом. Хотя я уже догадываюсь.

Он широко улыбнулся.

– Ничего не бойтесь. Мы сумеем защитить вас.

И протянул ладонь.

– Бренко!

– Чаруша.

Он захлопнул дверь за собой, торопливо прошагал, стуча крепкими каблуками испанских сапог.

Огляделась, отдышавшись. На столе деревянная резная посуда. Высохшая веточка берёзы возле туеска с жёлто-искристым мёдом. Красный кафтан, брошенный на спинку стула, в углу сундук, скованный медными лентами.

«Богу возносится Христу, не только на земле, но и на небе».

Заплакала, прошептав запомнившиеся с детства слова.

Когда небо начало светлеть, загораясь на востоке алым пожаром, заглянул, обнаружив её спящей, подхватил кафтан и вышел на палубу. Предстоял долгий путь вокруг Европы, через Ла-Манш в Северное море мимо берега варяжского до Ладоги. Бросив кафтан возле мачты, спал, едва коснувшись его щекой.

В Египте ему повезло ещё раз. Кроме пирамид, потрясших его воображение, каменных глаз неповоротливого сфинкса, взирающего с полным равнодушием на проходящие века, в безумном речном блеске на заболоченном берегу Нила, среди зарослей папируса, фелюк, он обнаружил глиняный кувшин с изображением птицы пожирающей рыбу.

В кувшине оказался потемневший от времени воск, под слоем которого сохранились туго скрученные полоски папируса и арабская серебряная монета – дирхам. Изображение отсутствовало. Надпись содержала изречение из Корана, год чеканки указывал на мусульманское летоисчисление, быстро подсчитав – ладонь обожгло временем – девятьсот лет назад!

Джандаль рассказывал, что такие монеты ходили в арабском халифате от Бактрии до Испании.

– Ты богат как Гарун-аль-Рашид!

Джандаль с удивлением взглянул на него, возвращая монету.

– Как тебе удалось отыскать её?

– Случай.

– Случай – правит миром, юноша! Завтра в полдень выходим из порта. Кастеллана вероятно заждалась тебя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.